

А. Маковельский

Мораль Эпиктета

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А. Маковельский**
Мораль Эпиктета / А. Маковельский – М.: Книга по Требованию, 2019. –
37 с.

ISBN 978-5-458-54300-2

ISBN 978-5-458-54300-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Всѣ блага, достигающіяся въ удѣлъ человѣку, Аристотель дѣлилъ на внѣшнія, тѣлесныя и душевныя. Судьбѣ угодно было щедро одарить Эпиктета благами душевными, но благъ внѣшнихъ и тѣлесныхъ она ему не дала. Въ соціальной лѣстницѣ ему принадлежало мѣсто на послѣдней ступени ея: онъ былъ рабомъ, да въ тому же еще рабомъ жестокаго господина, подвергавшаго своихъ слугъ истязаніямъ. Эпиктетъ былъ крайне бѣденъ (какъ передаетъ Симплицій, вся обстановка его комнаты состояла изъ деревянной скамьи, циновки, соломенника и глиняной лампочки). Наконецъ, Эпиктетъ отличался слабымъ и хилымъ тѣлосложеніемъ.

Зато великія внутреннія дарованія вложила природа въ хилое уродливое тѣло бѣднаго раба: силу и оригинальность мышленія, блестящій даръ изложенія, независимый характеръ, благороднѣйшее, безкорыстное сердце. Толпы учениковъ отовсюду стекались къ нему, привлекаемые и глубиной его мысли, и его захватывающимъ изложеніемъ, и его плѣняющимъ и покоряющимъ сердца характеромъ. Слава его была громадной и у современниковъ и въ потомствѣ. Въ числѣ его почитателей находимъ и римскихъ императоровъ, и отцовъ церкви, и современныхъ ученыхъ. Вліяніе его было необычайнымъ, и историческое значеніе его для античной культуры и христіанства можно, вмѣстѣ съ англійскимъ ученымъ Эдвиномъ Хэчъ, назвать единственнымъ въ своемъ родѣ.

Годы рожденія и смерти Эпиктета точно неизвѣстны. Время жизни его падаетъ на періодъ отъ Нерона до конца царствованія Траяна, преподавательская дѣятельность его датируется концомъ I и началомъ II столѣтія христіанской эры.

Эпиктетъ принадлежитъ къ представителямъ такъ наз. *философіи жизни*. У него находимъ рѣзко выраженное практическое пониманіе философіи. Сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ и счастливымъ единственная цѣль философіи по Эпиккету ¹⁾. Философію онъ называетъ наукой о жизни или

¹⁾ Diss. L. I. c. IV p. 23. Задача философіи—сдѣлать человѣка счастливымъ, удалить изъ его жизни плачъ, стонъ, возгласъ: «Увы мнѣ!» «О, я несчастный!».

искусствомъ жизни (*ἡ ἐπιστήμη τοῦ βίου* и *ἡ περὶ βίου τέχνη*). Заниматься философiей значить воспитывать себя, и философъ есть воспитатель челоѣчества (*ὁ κοινὸς παιδαγωγός*).

Для Эпиктета философiя есть знанiе, но такое знанiе, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ чувство и воля. Такъ какъ философiя есть знанiе, то ей можно обучиться. Эпиктетъ говоритъ о ступеняхъ философскаго обученiя. Тотъ, кто хочетъ обратиться въ философiю, прежде всего долженъ *ἀποβαλεῖν οἶσιν*, ¹⁾ т. е. отбросить мнимое знанiе; долженъ разстаться съ убѣжденiемъ, будто онъ обладаетъ правильнымъ жизнепониманiемъ, будто онъ имѣетъ о чемъ-нибудь истинное знанiе. Ибо не можетъ быть, чтобы кто-нибудь началъ учиться тому, относительно чего онъ думаетъ, что знаетъ это. Хотя по природѣ каждый челоѣкъ склоненъ въ добродѣтели и мудрости, но, вслѣдствiе превратнаго воспитанiя, дурного примѣра и силы привычки, всѣ мы съ самаго начала попадаемъ на ложный путь, а общее согласiе въ этомъ превратномъ взглядѣ на жизнь порождаетъ въ насъ *οἶσιν*, будто мы правы. Итакъ, прежде всего должно быть отброшено это *οἶσιν*. Начало философiи—*ἀρχὴ φιλοσοφίας*—*συναισθησις τῆς αὐτοῦ ἀσθενείας καὶ ἀδυναμίας περὶ τὰ ἀναγκαῖα*—сознанiе собственной слабости и безсилiя относительно необходимаго ²⁾. Прежде всего должно осудить свои прежнiе взгляды и свой прежнiй образъ жизни ³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сохранить вѣру, что идеалъ счастья и добродѣтели существуетъ и что онъ достижимъ.

Философiя, по Эпиктету, есть знанiе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть чувство и воля. Когда истина открыта челоѣку, она не сразу овладѣваетъ имъ: знанiе еще не слѣдилось его полнымъ достоянiемъ и, видя истину, онъ еще не слѣдуетъ ей. Всегда болѣе или менѣе продолжительное время имѣетъ мѣсто колебанiе между старымъ и новымъ воззрѣнiями на жизнь. Поэтому начинающiй философъ есть *μαίνομενος*

¹⁾ Diss. L. II с. XVII р. 1. *Τὴ πρῶτόν ἐστιν ἔργον τοῦ φιλοσοφοῦντος; Ἀποβαλεῖν οἶσιν.*

²⁾ Diss. II с. XI. *Τὴς ἀρχῇ φιλοσοφίας;*

³⁾ Fr. III (по изд. Schweighäuser'a). Если хочешь быть хорошимъ (*ἀγαθός*), сперва проникнись убѣжденiемъ, что ты дурной (*κακός*).

(сходящій съ ума): онъ какъ бы находится внѣ себя и самъ не знаетъ, чего хочетъ. Это состояніе внутренняго раздвоенія превращается лишь послѣ того, какъ новое воззрѣніе на жизнь будетъ усвоено внутреннимъ образомъ, когда оно станетъ чувствомъ и волей.

Истинное занятіе философіей есть леченіе, которое не можетъ протекать безболѣзненно. Философская школа есть *ἰατρεῖον*—лечебница. Подобнымъ же образомъ смотрѣлъ на философію и Сенека, который говорилъ, что между стоиками и другими философами такая же разница, какъ между мужчинами и женщинами: послѣднія хотятъ быть излеченными не наиболѣе цѣлесообразнымъ и скорымъ способомъ, но наиболѣе пріятнымъ и безболѣзненнымъ, стоики же—*virilem ingressi viam*.

Всѣ мы, по Эпиетету, душевнобольные и нуждаемся въ леченіи. Это леченіе души состоитъ въ вырываніи ложныхъ *δόγματα* (присутствіе коихъ и создаетъ болѣзнь души) и насажденіи новыхъ, правильныхъ *δόγματα*. Хотя сами по себѣ послѣднія весьма кратки, однако, подлинное усвоеніе ихъ требуетъ продолжительнаго времени.

Для Эпиетета понятіе *ἀνθρώπος* имѣетъ два вида: всѣхъ людей Эпиететъ дѣлитъ на *φιλόσοφοι* и *ἰδιώται*, на мудрыхъ и глупыхъ. Первый шагъ на пути отъ послѣдняго состоянія къ первому—сознаніе своего незнанія относительно самаго важнаго въ жизни. Затѣмъ слѣдуетъ продолжительный періодъ усвоенія правильнаго масштаба для различенія добра и зла. Это—періодъ серьезныхъ теоретическихъ занятій (*μάθησις*), связанныхъ съ постоянной работой надъ внутреннимъ самоусовершенствованіемъ (*μελέτη*) и съ внѣшнимъ практическимъ упражненіемъ (*ἄσκησις*).

Итакъ, занятіе философіей состоитъ въ трехъ вещахъ: *μάθησις*, *μελέτη* и *ἄσκησις* ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ упражненіяхъ долженъ быть проведенъ принципъ постепеннаго перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе

¹⁾ Diss. II с. IX р. 13: *Μὴ ἀρκεῖσθαι μόνῳ τῷ μαθεῖν, ἀλλὰ καὶ μελέτῃν προσλαμβάνειν, εἴτα ἄσκησιν.*

трудному ¹⁾). Необходимо ежедневное самоиспытание, постоянное обращеніе вниманія на себя, на свои мысли, чувства и поступки. Необходимо зорко слѣдить за собой, какъ за своимъ злѣйшимъ врагомъ. Мы должны каждую минуту быть на чеку, остерегаясь заблужденій и дурныхъ поступковъ, такъ какъ каждое малѣйшее опущеніе вновь укрѣпляетъ нашъ прежній порочный habitus.

Всякая привычка и всякая способность сохраняется и увеличивается соотвѣтственными дѣйствіями. Точно такъ же и аффекты души. Если ты разсердился, то знай, что съ тобою случилось не только это зло, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ты укрѣпилъ свою привычку сердиться. Ты какъ бы въ огонь подбросилъ дровъ. Если ты отдался сладострастію, то не считай это единичнымъ случаемъ паденія, но знай, что этимъ ты взрастилъ и увеличилъ свою невоздержность. Для освобожденія отъ страстей необходимо постепенно уменьшать пищу, которой они питаются. Ты привыкъ сердиться ежедневно; постарайся сердиться черезъ день, затѣмъ черезъ два дня, потомъ черезъ три дня и т. д. Привычка сперва ослабляется, а затѣмъ и вовсе уничтожается. Обращай серьезное вниманіе на случаи появленія въ твоей душѣ аффектовъ, *веди съ собой войну* ²⁾). Сегодня, увидя красавца или красавицу, я уже не сказалъ самъ себѣ: „Счастливъ тотъ, кто обладаетъ имъ или ею“, и не рисовалъ въ своемъ воображеніи, какъ эта красавица снимаетъ одежды и ложится. Впослѣдствіи, даже если женщина сама пожелаетъ, будетъ кивать и призывать, даже если будетъ приближаться и приващаться ко мнѣ, то и тогда я воздержусь и устою.

Какъ развитіе мускуловъ можетъ быть достигнуто только путемъ правильныхъ методическихъ упражненій, такъ и развитіе нравственныхъ силъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ продолжительныхъ методическихъ упражненій. Необходимо нравственная гимнастика.

Въ начальномъ періодѣ философскаго обученія должно держать себя подобно выздоравливающему (на строгой нрав-

¹⁾ Diss. I с. XVIII р. 18 «Итакъ, вѣднущъ богами, надлежитъ упражняться въ малыхъ вещахъ; и, начиная съ нихъ, переходить къ большимъ».

²⁾ Diss. IV с. IX р. 11: *Μαχέσθῃτι σαυτῷ*.

ственной діетѣ). Для начинающихъ свое нравственное образование Эпиететъ считаетъ необходимымъ воздержаніе отъ вина, женщины и пѣнія (все это разрѣшается мудрецамъ),— ибо, говоритъ онъ, „неравна борьба красивой женщины съ юношей, начинающимъ изучать философію“. Въ это время нужно по возможности избѣгать встрѣчъ со своими прежними товарищами и искать общенія съ нравственно выдающимися лицами. Выбирай, что хочешь: или чтобы тебя по-прежнему любили твои старые друзья (но ты самъ останешься такимъ, какимъ былъ раньше) или же чтобы ты сталъ лучшимъ. Въ послѣднемъ случаѣ вступай на вышеуказанную дорогу и пусть другія мысли не развлекаютъ тебя. Ибо никто, колеблющійся между тѣмъ и другимъ, не можетъ преуспѣвать ¹⁾.

Развивая подобнымъ образомъ въ себѣ добродѣтель, мы поднимаемся со ступени на ступень. Человѣка въ этой стадіи философскаго образованія Эпиететъ называетъ „прогрессирующимъ“ (*προκοπῶν*) ²⁾.

Наконецъ, это занятіе философіей поднимаетъ человѣка на степень „мудреца“ (*σοφός*). Послѣдней изъ философскихъ дисциплинъ усваивается, по Эпиетету, логика. Значеніе ея— въ томъ, что она поднимаетъ человѣка на такую высоту, что онъ даже во снѣ, въ болѣзни и опьяненіи не мыслитъ ничего неразумнаго и не желаетъ ничего дурнаго. Держаться всего этого въ нормальномъ состояніи есть низшая ступень мудрости, быть такимъ даже и въ сумеречномъ сознаніи— высшая ступень. Даже во снѣ мудрецъ не долженъ подпасть ложному сужденію или дурному удовольствію.

Мудрость, или нравственное совершенство, проявляется лишь въ немногихъ экземплярахъ человѣческаго рода (въ этомъ Эпиететъ согласенъ со всѣми стоиками). Онъ видитъ мудрецовъ въ прошломъ (Діогенъ, Сократъ, Гераклитъ), но не находитъ ихъ среди современниковъ. Если судить по истинѣ (т. е. по поведенію, а не по голому знанію), то эпикурейцевъ окажется много, перипатетиковъ небольшое число,

¹⁾ Diss. IV с. II. р. 4: *Οὐδεὶς γὰρ ἐπαμφοτερίζων δυνάται προκοπῆσαι.*

²⁾ Diss. L. I. с. IV. *Περὶ προκοπῆς*. См. также ib. L. II с. XVIII.

а стоика врядъ ли и отыщешь, хотя знающихъ сочиненія стоиковъ безчисленное множество. „Покажите мнѣ хоть одного стоика, говоритъ Эпиктетъ: гдѣ онъ?... Покажите мнѣ чело- вѣка счастливаго и въ болѣзни, и въ опасности, и при смерти, и въ изгнаніи, и въ безчестіи. Покажите! Клянусь богами, я страстно жажду увидѣть стоика. Если невозможно показать мнѣ совершеннаго стоика, то покажите хоть совер- шенствующагося, приближающагося въ идеалу. Это было бы благодѣяніемъ для меня. Покажите! но вамъ некого пока- зать“¹⁾.

Только мудрецъ истинно счастливъ, богатъ, прекрасенъ и свободенъ. Онъ счастливъ, такъ какъ радостное настрое- ніе никогда не покидаетъ его. Онъ свободенъ, такъ какъ онъ всегда слѣдуетъ разумной необходимости, которая и есть истинная свобода. Онъ свободенъ, какъ само божество. Онъ богатъ, такъ какъ обладаетъ наивысшей цѣнностью въ мірѣ— добродѣтелью. Онъ прекрасенъ, такъ какъ господство разума вноситъ въ его душу высшую красоту и гармонію. Только мудрецъ есть истинный правитель, полководецъ, жрецъ и т. д., онъ также хорошій экономъ и подлинный финансовый геній. Въ этомъ парадоксѣ высказывается та мысль, что только мудрецъ, т. е. нравственно совершенный чело- вѣкъ, можетъ правильно (т. е. въ благополучію людей) исполнять всякое дѣло. Сверхъ того, стоики понимали это еще мета- форически. Мудрецъ есть жрецъ, даже если онъ не знаетъ техники жертвоприношеній,—вслѣдствіе своего внутреннего отношенія къ божеству. Мудрецъ есть правитель, хотя у него нѣтъ подданныхъ, такъ какъ онъ одинъ независимъ ни отъ кого и умѣетъ правильно относиться ко всѣмъ людямъ (т. е. его отношеніе къ нимъ имѣетъ въ виду ихъ истинное счастье).

Однако, еще выше мудреца Эпиктетъ ставитъ новый идеаль нравственнаго совершенства—циника (*κινικός*). Муд- рецъ (*σοφός*) есть нравственный идеаль для всѣхъ, циникъ же долженъ обладать еще особыми природными преимуще- ствами, не только духовными, но и тѣлесными, которыя дѣ-

¹⁾ Diss. II c. XIX p. 28: *Δείξατε. ἀλλὰ οὐκ ἔχετε.*

лаютъ его способнымъ къ высшему призванію быть Божьимъ пророкомъ. Онъ есть *ἔξαιρέτων*, исключеніе, а вовсе не норма для всѣхъ. Въ образѣ циника у Эпиктета ученые находятъ идею, родственную христіанству; здѣсь изображается роль апостола морали. Выступленію циника Эпиктетъ приписываетъ громадное значеніе, такъ какъ личный образецъ, по мнѣнію Эпиктета, имѣетъ несравненно большее вліяніе на людей, чѣмъ любое ученіе. Идеальный мудрецъ, полагаетъ Эпиктетъ, является на свѣтъ не чаще одного раза въ два столѣтія.

Изображенію циника посвящена знаменитая глава въ *Dissertationes*. ¹⁾ Циникъ долженъ знать, что онъ посланъ Богомъ къ людямъ (*ὅτι ἄγγελος ἀπὸ τοῦ Διὸς ἀπεσταλται πρὸς τοὺς ἀνθρώπους*). Люди недоумѣваютъ, какъ можно быть счастливымъ, будучи нагимъ, бездомнымъ, не имѣющимъ слугъ, изгнанникомъ и т. п. Богъ и послалъ циника показать людямъ на дѣлѣ, какъ это возможно. Циникъ нагъ, бездоменъ, нищъ, спитъ на землѣ, нѣтъ у него жены и дѣтей. И ни въ чемъ онъ не чувствуетъ недостатка, счастливъ всегда и всегда веселъ. Таковъ циникъ, „удостоенный отъ Зевса скипетра и діадемы“; онъ обращается ко всѣмъ съ такой рѣчью: „Вы, люди, ищете счастье (эвдаймонію) и спокойствіе (атараксію) не тамъ, гдѣ оно есть, но тамъ, гдѣ его нѣтъ. Вотъ я, примѣръ вамъ посланный Зевсомъ, я, не имѣющій ни имущества, ни дома, ни жены, ни дѣтей, ни даже подстилки, ни хитона, ни утвари“... ²⁾

Таковы ступени, по которымъ располагается человѣческій родъ въ глазахъ Эпиктета: 1) *ἰδιώτης*, 2) *μαυόμενος*, 3) *προκόπων*, 4) *σοφός* и 5) *κινικός*.

Всѣ теоретическія ученія Эпиктетъ дѣлилъ на *θεωρημάτα* и *θεωρημάτων* (уменьш.: теоремочки). Первые—это положенія, необходимыя для нравственной дѣятельности, ко вторымъ онъ относитъ все остальное научное знаніе. Вопросамъ послѣд-

¹⁾ L. III с. XXII. *Περὶ κινικισμοῦ*. См. также L. IV с. VIII.

²⁾ Diss. IV. с. VIII р. 30—31.

наго рода Эпиктетъ не припадалъ большаго значенія, и въ рѣшеніи ихъ онъ обычно прямо слѣдуетъ Хризиппу или Зенону. Однако, занятій ими Эпиктетъ не отвергалъ, подобно циникамъ; напротивъ, онъ называетъ человѣка *φιλόσοφος ὥον*.

Стоики дѣлили философію на 3 главныя части: на логику, физику и этику. Порядокъ ихъ изученія былъ различнымъ у разныхъ стоиковъ. Вопросъ о порядкѣ изученія этихъ дисциплинъ необходимо отличать отъ вопроса о цѣнности ихъ. Для поясненія отношенія ихъ по цѣнности стоики прибѣгали къ извѣстнымъ сравненіямъ человѣческаго знанія съ яйцомъ, садомъ, человѣческимъ организмомъ, городомъ и др. Смыслъ всѣхъ этихъ сравненій тотъ, что этика—самое важное, логика служитъ для нея охраной, а физика пищей. Логика, физика и этика относятся другъ къ другу по цѣнности такъ, какъ въ саду ограда, деревья (или почва, на которой они растутъ) и плоды; какъ въ яйцѣ скорлупа, бѣлокъ и желтокъ; какъ въ человѣческомъ организмѣ кости, мясо съ кровью и душа. Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ (а также въ сравненіи человѣческаго знанія съ городомъ, окруженнымъ стѣной) положеніе логики характеризуется одинаково: она есть охрана или оболочка, сдерживающая цѣлое. Физика выступаетъ здѣсь какъ мать-земля или пища этики (чѣмъ указывается на то, что правила морали покоятся на правильномъ познаніи природы). Наконецъ, этика—душа философіи.

У Эпиктета мы встрѣчаемъ своеобразное дѣленіе философіи, которое, на первый взглядъ, не имѣетъ ничего общаго съ обычнымъ дѣленіемъ на логику, физику и этику, однако, на самомъ дѣлѣ, совпадаетъ съ нимъ.

Самое важное въ философіи, по Эпиккету, не теорія, но практика, не самыя положенія, но ихъ практическое примѣненіе—*χρησις τῶν θεωρημάτων*. Вотъ что является конечной цѣлью философіи, а не теоретическая этика.

Эпиктетъ различаетъ три части (*τόποι*) философіи: *δρεξις*, *δουμή* и *συνκατάθεσις*.¹⁾ Это дѣленіе весьма оригинально. Первый топосъ трактуетъ о правильномъ желаніи и освобожденіи отъ страстей (*πάθη*). Его содержаніе—*συμφέρον* (польза),

¹⁾ Ученіе о *τόποι* философіи дается въ Diss. III, с. II.

это есть *ученіе о благи* (агатологія). Второй топосъ учить правильному поведенію. Онъ имѣетъ дѣло съ *καθῆκον* (хорошій внѣшній поступокъ); это есть *ученіе объ обязанностяхъ*.

Первый топосъ дѣлаетъ человѣка *ἀπαθής* и *ἀταράχος* (сообщаетъ ему апатію, алюпію, атараксію и т. п.); слѣдовательно, вселяетъ въ человѣка внутренній миръ и покой. Второй топосъ дѣлаетъ человѣка *ἀναμάρτητος*, т. е. дѣлаетъ его *внѣшне* приличнымъ, сообщаетъ его поступкамъ внѣшнюю благопристойность и свободу отъ порицанія со стороны другихъ. (Какъ выясняетъ Bonhöffer, понятіе *καθῆκον* въ стоѣ имѣло болѣе узкое значеніе, чѣмъ наше понятіе „долгъ“: подъ *καθῆκον* стоики понимали преимущественно обязанности человѣка къ другимъ существамъ—людямъ и богамъ; обязанностей къ животнымъ стоики не признавали).

Наконецъ, третій топосъ учить свободѣ отъ заблужденія, правильному сужденію. Третій топосъ имѣетъ цѣлью лишь твердо установить достигнутое въ двухъ первыхъ. Изученіе логики Эпиктетъ хотѣлъ поставить въ концѣ философскихъ занятій. Третій топосъ сообщаетъ такую увѣренность, такъ укрѣпляетъ въ правильномъ сужденіи, что мудрецъ даже во снѣ или въ состояніи опьяненія не мыслить ничего неправильно, не желаетъ и не дѣлаетъ ничего дурного.

Итакъ, для Эпиктета вся философія есть этика въ широкомъ смыслѣ. Она дѣлится, какъ мы видѣли, на три *τοπoί*: на философію желанія, философію воли или дѣйствія и философію сужденія. Такое дѣленіе представляетъ параллель обычному дѣленію философіи у стоиковъ на физику, этику и логику. Это станетъ очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе, что, по Эпиккету, мы должны не измѣнять дѣйствительность, но изучать ее, чтобы согласовать свои желанія съ естественнымъ ходомъ вселенной.

Переходя къ этическимъ ученіямъ Эпиктета, мы сперва изложимъ принципы его этики и его агатологію, а затѣмъ коснемся его аретологіи и казуистики.

Современная философія привыкла противопоставлять эгоизмъ и альтруизмъ, эвдемонизмъ и перфекціонизмъ, автоном-

ную и гетерономную мораль. Въ этомъ она видитъ основныя различія между системами морали. Эпиктетъ умѣетъ искусно соединить эти противоположности: послѣдовательно развивая одну изъ нихъ, онъ умѣетъ перебросить мостъ отъ нея къ другой. Такимъ образомъ указанныя противоположности у него преодолеваются.

Исходный пунктъ морали Эпиктета—эгоистическій и эвдемонистическій. „Никто мнѣ не милѣ, чѣмъ я самъ себѣ“ ¹⁾ —это положеніе дѣлаетъ онъ принципомъ своей этики. Личное счастье есть цѣль всякаго человѣческаго стремленія. Каждый нашимъ дѣйствіемъ движетъ представленіе о какой-либо личной пользѣ, которая достигается посредствомъ этого дѣйствія, или представленіе о какомъ-нибудь вредѣ, который имъ избѣгается. Это представленіе о пользѣ или вредѣ дѣйствуетъ съ принудительной необходимостью. Человѣкъ не можетъ желать того, что онъ считаетъ вреднымъ для себя, и равнымъ образомъ не можетъ не желать всего того, что ему кажется полезнымъ. Человѣческая природа такъ устроена, что ничего человѣкъ не любитъ такъ сильно, какъ свою пользу (*τὸ αὐτοῦ συμφέρον*),—ни отца, ни брата, ни родственника, ни отечество, ни Бога. Когда намъ кажется, что боги препятствуютъ нашей пользѣ, мы и ихъ бранимъ, ниспровергаемъ ихъ статуи и сжигаемъ ихъ храмы. Поэтому, если кто-нибудь полагаетъ въ одномъ мѣстѣ со своей пользою святость, честность, отечество и друзей, то все это будетъ сохранено. Но если онъ пользу полагаетъ въ одномъ, а друзей, отечество, родныхъ и самую справедливость въ другомъ мѣстѣ, то все это погибнетъ, такъ какъ чашка пользы перетянетъ.

По указанной причинѣ наши желанія и поступки не-свободны ²⁾. Воръ, когда онъ воруетъ, дѣлаетъ это не по рѣшенію свободной воли, но всѣ преступленія вытекаютъ съ необходимостью изъ тѣхъ взглядовъ на жизнь, которые присущи людямъ, совершающимъ ихъ. Негодовать на другихъ за ихъ преступленія, это—все равно, что сердиться на слѣ-

¹⁾ Diss. III c. IV p. 10: *Εἰς παρ' ἐμὲ φίλτερος οὐδεὶς.*

²⁾ Diss. I c. XVIII p. 2: *Ἀμύχανον δ', ἄλλο μὲν κρίνειν τὸ συμφέρον, ἄλλον δ' ὀρέγεσθαι καὶ ἄλλο μὲν κρίνειν καθήκον, ἐπ' ἄλλο δὲ δοῦναι.*